

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Историческая антропология
в поисках самоопределения.
Дискуссии 70 – 80-х годов





Книга: Историческая антропология

Лекция: Историческая антропология в поисках самоопределения. Дискуссии 70 – 80-х годов

Автор лекции: Алия Масалимова

Цель: показать специфику научных дискуссий периода 70-80 гг. относительно толкования предмета исторической антропологии.

На протяжении нескольких десятилетий в академической среде не прекращались научные дискуссии о сущности предмета, объекта, и интерпретации самого названия направления «историческая антропология». За отправную точку, по мнению М. Крома, можно принять уже упоминавшуюся статью Жака Ле Гоффа 1972 г. издания - «Историк и человек повседневности». Которая позднее в 1977 г. была переиздана в сборнике « Другое средневековье».

В этой программной статье Ле Гофф констатирует факт того, что в наши дни история и этнология вновь сближаются после более чем двухвековой «разлуки». «Отец истории» Геродот, по мнению Ле Гоффа, был и «отцом этнологии». Пути обеих научных дисциплин надолго разошлись лишь в эпоху Просвещения, когда объектом изучения историков стали считаться лишь «цивилизованные» народы, идущие по пути прогресса. Изучение же «варварских» племен с XIX в. стало уделом этнологов.

В современную эпоху у обновленной истории появился шанс стать «этнологической» историей. Как с помощью этого этнологического метода может проводить свои исследования историк?

Жак Ле Гофф так отвечает на этот вопрос: этнология изменяет хронологический ход истории, устранив из нее событие, и заменяет новой историей, состоящей из повторяющихся событий, календарных праздников и церемоний.

В истории «время» концептуально требует дифференциации, и особое внимание уделяется сфере длительной протяженности (*la longue durée*), почти неподвижному времени.

Историческая этнология, разворачиваясь к повседневности, естественным образом обращается к изучению ментальностей, которые рассматриваются как то, что меньше всего меняется в процессе исторической эволюции.

Этнология, по мнению французского ученого, помогает историку лучше понять определенные социальные структуры - семейные, родственные, половозрастные и другие, которые в так называемых «исторических» обществах предстают в нечетком, размытом виде.

Этнологическая история предполагает также переоценку магических, харизматических элементов в прошлом и настоящем. Кроме того, под этнологическим углом зрения на первый план выходит история повседневности. Этнологическая история предполагает целую программу изучения истории техники, истории тела, истории одежды, жилища и т.д.

И наконец, этнология способствует таким тенденциям в исторической науке, как распространению компаративистского и ретроспективного метода, а также избавление от европоцентристской точки зрения.

Как видим, положительные моменты и перспективы для взаимосвязи истории и этнологии налицо, но, тем не менее, сотрудничество истории с этнологией имеет свои пределы. Ле Гофф подчеркивает, что простой перенос этнологического подхода в историю таит в себе известные трудности и опасности. Это касается и терминологии, и необходимости, избавляясь под влиянием этнологии от иллюзий линейного и постоянного прогресса, сохранить внимание к проблемам изменений, эволюции.

Программа развития «этноистории», намеченная Ле Гоффом, а с 1977 г. он предпочитает пользоваться иным термином - историческая антропология, очень близка к той, которую изложил в своей статье в энциклопедии «Новая историческая наука» (1978) его коллега по редакции журнала «Анналы» Андре Бюргер.

Подробно остановившись на вопросе о «предшественниках» исторической антропологии, А.Бюргер переходит затем к характеристике этого направления: по его мнению, историческую антропологию можно было бы определить как историю физических, пищевых, эмоциональных, ментальных привычек. «Впрочем, - замечает автор, - какая же привычка не является ментальной?» Однако Бюргер не хочет давать законченного определения анализируемому направлению, полагая, что историческая антропология скорее соответствует нынешнему моменту исторической науки, чем какому-либо ее сектору.

«У исторической антропологии нет собственной территории (*domaine propre*)», - утверждает французский ученый и перечисляет далее ряд областей успешного применения нового подхода: история питания, история тела, включая историю болезней, сексуального поведения и т.п., история семьи. Однако наиболее плодотворными на сегодняшний день, констатирует автор, являются историко-антропологические исследования в сфере изучения ментальностей.

Свое понимание исторической антропологии А.Бюргер уточнил в статье, написанной для «Словаря исторических наук», вышедшего в 1986 г. под его редакцией. «История поведения и привычек», - так



Книга: Историческая антропология

Лекция: Историческая антропология в поисках самоопределения. Дискуссии 70 – 80-х годов

Автор лекции: Алия Масалимова

определил он “поле”, на котором расположилось историческая антропология. И далее поясняет свою мысль: именно история привычек, то есть история повторяющегося, а именно жестов, обрядов, мыслей.

Подробно охарактеризовав направления историко-антропологических исследований, он выделил биологическую, экономическую, социальную антропологию т.д. Но здесь же Бюргер заканчивает статью несколько неожиданной фразой: “То, что мы сегодня называем исторической антропологией, – возможно, ничто иное, как реализация программы, намеченной Марком Блоком для истории ментальностей”.

Естественно, возникает вопрос: как теперь соотносятся между собой названные направления – историческая антропология и история ментальностей? Не является ли первая лишь продолжением и развитием второй, но под новым названием?

Здесь мы также сталкиваемся с разнообразием мнений и трактовок. За пределами Франции многие исследователи, пристально следившие за эволюцией школы “Анналов”, склонны были считать, что речь идет об одном и том же направлении.

Такого мнения, например, придерживались в 70-х – начале 80-х гг. немецкие историки Вольф Лепениес, Михаэль Эрбе и др., подчеркивавшие, ссылаясь на опыт французской историографии, что главной задачей исторической антропологии является изучение менталитета.

В том же духе высказывались видные российские медиевисты Арон Гуревич и Михаил Барг. О понимании Гуревичем предмета и задач исторической антропологии следует сказать особо.

Творчество Гуревича явно созвучно традиции школы “Анналов”, для популяризации достижений которой в нашей стране Арон Яковлевич сделал очень многое. Его эволюция как ученого, по собственному признанию Гуревича, имела ту же направленность, что и у его французских коллег: от аграрной и социальной истории – к истории ментальностей и культуры.

В 70–80-е годы Арон Гуревич издал целую серию книг, способствовавших пониманию многих аспектов средневековой картины мира. К ней относятся следующие аспекты - восприятия времени и пространства, отношения к жизни и смерти, к труду, бедности и богатству, к человеческой личности и т.д.

“Картина мира” в концепции Гуревича – центральная категория истории ментальностей. По мнению этого выдающегося исследователя, история ментальностей - это дисциплина, которая делает возможным синтез социальной истории и истории культуры, создает ситуацию диалога исследователя с людьми минувших эпох.

Арон Гуревич был самым первым, кто еще в далеком 1984 г. познакомил научную общественность с термином “историческая антропология”, обозначавшем новое научное направление. Однако при этом содержание новой дисциплины, ее предмет в интерпретации Гуревича остались прежними, с позиции история ментальностей.

В статье “Историческая наука и историческая антропология” (1988), которую можно считать первым “манифестом” этого направления в российской историографии, А.Я.Гуревич писал: “Одна из главных задач исторической антропологии и состоит в воссоздании картин мира, присущих разным эпохам и культурным традициям...”

В следующей статье на ту же тему, опубликованной им в 1989 г. в “Вестнике АН СССР”, одной из целей нового направления называлось “изучение социального поведения людей” и “человеческого индивида... в рамках социума”. В то же время Гуревич подчеркивал, что поведение людей детерминировано не только объективной реальностью, но и в большей степени их субъективным восприятием мира, т.е. опять-таки ментальностью.

И в целом перечень тем историко-антропологического исследования, по существу, ничем не отличается от круга основных вопросов и проблем, которые являются предметом изучения истории ментальностей, их автор приводит в другой своей работе.

И в дальнейшем Гуревич сохранил прежний взгляд на соотношение этих двух направлений. В книге о школе “Анналов” (1993) он написал о “перерастании” истории ментальностей в историческую антропологию, “нацеленную на реконструкцию картин мира”. При такой трактовке получается, что произошла лишь смена названия.

И надо признать, что сами французские историки, как видно из процитированных выше статей Ж. Ле Гоффа и А. Бюргера 70–80-х гг., дали повод к подобным интерпретациям, не пытаясь как-то разграничить два явно родственные направления. Сюда же можно отнести мимоходом брошенную А.Бюргером фразу в статье 1983 г. о вытеснении истории ментальностей исторической антропологией.

Интерес вызывает ответ Ж. Ле Гоффа на вопрос, заданный ему Гуревичем в интервью в декабре 1991 г.: «Есть ли какой-то внутренний смысл в замене “истории ментальностей” понятием “историческая



антропология», или эти понятия взаимозаменяемы?»

Ле Гофф ответил со всей определенностью: «История ментальностей и историческая антропология никогда не смешивались. Они сложились почти одновременно, но соответствовали разным целям и объектам. Историческая антропология представляет собой общую глобальную концепцию истории. Она объемлет все достижения «Новой исторической науки», объединяя изучение менталитета, материальной жизни, повседневности вокруг понятия антропологии. Она охватывает все новые области исследования, такие, как изучение тела, жестов, устного слова, ритуала, символики и т.п. Ментальность же ограничена сферой автоматических форм сознания и поведения».

Хотя, как считает российский автор Михаил Кром, категоричное утверждение Ж.Ле Гоффа о том, что «история ментальностей и историческая антропология никогда не смешивались», представляется далеко не бесспорным: как раз наоборот, в трудах историков школы «Анналов», начиная с ее основателей – Февра и Блока – и кончая самим Жаком Ле Гоффом можно найти немало примеров смешения или, точнее, нечеткого разделения этих двух направлений.

Такое суждение одного из лидеров «новой исторической науки» подтверждает идею о новом тренде, проявившуюся к началу 90-х годов, ограничение и сужение сферы истории ментальностей.

Можно не сомневаться в том, что не все единомышленники и сторонники Ж. Ле Гоффа проявили единодушие во мнении, будто ментальность – только лишь одна часть проблематики исторической антропологии. Но при этом мы не можем отрицать тот факт, что многие ученые во Франции и в других странах в 80-х гг испытывали некое разочарование в эвристических возможностях этого термина и соответственно эти сомнения относились и к целому направлению.

Со времен Л. Февра и до последних десятилетий категория ментальностей понималась исключительно широко, пишет М. Кром. В нее включались и «коллективные представления», и эмоции, например, книга Жана Делюмо о страхе, и восприятие окружающего мира, и воображение. При этом ментальность обычно отождествлялась со стереотипами сознания, с «коллективным бессознательным» (по Ф.Арьесу) или не полностью осознанным, неотрефлексированным мышлением (по А.Я.Гуревичу).

В середине 70-х годов, как уже говорилось, Карло Гинзбург выступил с серьезной критикой теории ментальностей. Он вполне обоснованно указал на принижение ею способности простых людей к рациональности мышления и на однородно-бесклассовый характер этой категории. В 80-е годы критиков стало гораздо больше. В частности, П.Берк обратил внимание на статичность и искусственную гомогенность массового сознания в изображении историков ментальности.

В этом контексте один из критиков психологической версии истории ментальностей, предложил «ограниченную» концепцию их изучения.

Тот же Ж. Ле Гофф в своем интервью 1991 г. высказался за то, чтобы дополнить историю ментальностей историей идеологий и ценностей. Что одновременно означало, что перечисленные им компоненты не включаются в сферу ментальностей. И это также дает основание понимать, что фактически мы наблюдаем сужение или ограничение этой сферы.

Таким образом, разграничение истории ментальностей и исторической антропологии произошло не по логико-семантическим критериям, а явилось отражением некоторых современных историографических тенденций. По мнению Крома, «эти тенденции усиливаются с расширением индивидуализирующего подхода в исторической науке и с отказом от преимущественного внимания к детерминантам, к которым, безусловно, относится и теория ментальностей.»

Вернемся опять-таки к разногласиям между А.Я.Гуревичем и его французскими коллегами по вопросу о соотношении истории ментальностей и исторической антропологии.

Необходимо подчеркнуть, что эти разногласия все же находились в рамках одного направления. Подобно Ле Гоффу и Бюргьеру, А.Я.Гуревич понимает историческую антропологию широко – по существу, как программу обновления всей исторической науки. Разделяет он и интерес своих французских коллег ко времени «большой длительности». Именно к этой категории времени принадлежат «картины мира», реконструкцию которых А.Я.Гуревич считает главной задачей исторической антропологии.

С кардинально другой трактовкой этого научного направления мы встречаемся в книге Питера Берка «Историческая антропология Италии начала нового времени» (1987). В первой главе этой работы автор разъясняет, что понимается под «исторической антропологией». Этот термин, отмечает он, вошел в употребление в течение последнего десятилетия и используется применительно к работам Карло Гинзбурга, Эмманюэля Леруа Ладюри, Кита Томаса и некоторых других авторов.

Не переоценивая единство и цельность этого направления, П.Берк тем не менее считает, что, несмотря



на разнообразие исследовательской практики, термин “историческая антропология” все-таки описывает определенный подход к истории. По его мнению, следующие характерные черты отличают этот подход от других видов социальной истории.

Во-первых, историческая антропология, в отличие от многих работ по социальной истории, занятых описанием общих тенденций на основании количественных данных, отличается качественно и фокусирует свое внимание на особых случаях.

Во-вторых, авторы историко-антропологических исследований избирают предметом своего изучения не судьбы миллионов людей, а подчас малые сообщества, вроде деревни Монтайю, описанной в книге Э. Леруа Ладюри. Такая “микроскопичность” нужна для придания исследованию “большей глубины, большей красочности и жизненности”.

В-третьих, вместо причинно-следственных объяснений на основе долговременных тенденций известный этнолог К. Гирц назвал “плотным, насыщенным описанием (thick description)”. То есть поясняет Берк, к “интерпретации социального взаимодействия в данном обществе в терминах норм и категорий самого этого общества”.

В-четвертых, историки антропологического направления уделяют большое внимание символизму повседневной жизни: обыденным ритуалам, повседневности, манере одеваться, приему пищи и этикетным нормам, характеру общения друг с другом, жестам и т.д.

Наконец, явно прослеживаются теоретические истоки: если социальная история вдохновляется прямо или косвенно теориями Маркса и Вебера, то для историков-антропологов их “великая традиция” идет от Эмиля Дюркгейма и Арнольда ван Геннепа к Марселю Моссу и далее к таким современным фигурам, как Клиффорд Гирц, Виктор Тернер и Пьер Бурдьё.

Нам представляют, по сути историографическую традицию. Характерно, что вопрос о соотношении исторической антропологии и истории ментальностей здесь даже не возникает. Заметим, что “ментальность” вообще нечасто упоминается на страницах книги Берка. Зато оказывается весьма актуальной другая проблема – о соотношении микро- и макроподходов в историческом исследовании. Британский историк подчеркивает, что в его намерения вовсе не входит отвергать макроскопический подход: оба названных подхода взаимодополняемы. Термин “историческая антропология” в заголовке лишь указывает на то, что проблемы, обсуждаемые в книге и лежащие на стыке традиционной “социальной” и “культурной” истории, легче “поддаются” микроскопическому подходу.

Итак, налицо наличие по меньшей мере двух трактовок или двух программ исторической антропологии в современной науке. Одна трактовка связана с традицией школы “Анналов”, включая не только французских историков, но и их единомышленников в других странах. Для нее характерно видеть в исторической антропологии “новую историческую науку” в целом, а сам ее предмет представлять в виде очень устойчивых, существующих в длительной временной протяженности структур повседневности.

Другой вариант понимания исторической антропологии представлен Питером Берком; к нему близки также итальянские приверженцы микроистории Карло Гинзбург, Джованни Леви и др., и некоторые американские исследователи такие как Натали З.Дэвис и германские как Ханс Медик. В этой версии историческая антропология предстает лишь как одно из направлений социальной или социокультурной истории, а в качестве инструмента исследования настойчиво рекомендуется “социальный микроскоп”.

Таким образом, если выделить общие черты, присущие исторической антропологии в обеих ее трактовках, тем самым мы сможем приблизиться к смысловому ядру нового научного направления.

Итак, какие можно сделать выводы?

1. Прежде всего, сторонники этого направления убеждены в том, что исторической антропологии присущ междисциплинарный характер, и ее возникновение результат плодотворного взаимодействия ее с социальными науками, и в первую очередь с этнологией.
2. Все они видят важную задачу исторической антропологии в открытии инаковости минувших эпох, непохожести их друг на друга и на наше время.
3. Образ другого – тема, одинаково близкая и этнологам, и историкам антропологического направления. По словам Клиффорда Гирца, американского этнолога, чьи работы особенно часто цитируются историками: “формирование представлений о различиях, имеется в виду не изобретение новых, а обнаружение реальных различий, остается наукой, в которой мы все нуждаемся”.

Наконец, историческая антропология, по общему мнению ученых разных стран, имеет свою специфику в сфере проблематики: особое внимание историки этого направления уделяют символике повседневной



Книга: Историческая антропология

Лекция: Историческая антропология в поисках самоопределения. Дискуссии 70 – 80-х годов

Автор лекции: Алия Масалимова

жизни, манере поведения, привычкам, жестам, ритуалам и церемониям.

В целом в 70-80 гг. 20 столетия именно в таком ракурсе велись научные дискуссии относительно понимания и интерпретации предмета исторической антропологии.

Основные термины

Этнология, история ментальностей, микро- и макро-история, “социальный микроскоп”, типология исторических биографий.

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.
2. Гуревич А. Я. Историческая антропология: проблемы социальной и культурной истории // Вестник АН СССР. 1989. № 7.
3. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
4. Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.
5. Розов НС. Структура социальной онтологии: по пути к синтезу макроисторических парадигм // Вопросы философии. 1999. №2.